

Александр Борщаговский со своей супругой Валентиной неразлучен уже 52 года

Анна САЕД-ШАХ

— Два года назад в интервью «Литгазете» вы сказали мне, что не умеете прыгать на батуте. На политическом батуте. С тех пор так и не научились?

— Не только не научился, но проклялся яростной нелюбовью и брезгливостью к «прыгунам». Если еще несколько лет назад во мне мог изредка проснуться азарт вклинить в споры общеполитического или общезакономерного характера, то теперь я от этого недуга излечился и отмечаю даже самую возможность такого разговора. Буду вам благодарен, если мы отведенное нам время потратим на разговор о культуре, а не о той вызывающей стыд кучке «тяжеловесов», не способных поднять ничего выше собственного (хоть и нелегкого) веса, а именно — жалкой корысти и честолюбия. Я даже стал жалеть тех журналистов, которые по обстоятельствам жизни вынуждены на эти темы писать.

Сложилась драматическая ситуация. Казалось бы, вот он — желанный рынок, другой мир человеческих отношений, мы этого хотели и потому должны принимать все, что диктует время. Однако, к сожалению, принять все, что сейчас происходит, невозможно. А происходит в России, на мой взгляд, самый страшный процесс, страшнее, чем в 17-м году. Скажите, сколько ушло времени тогда на изменение строя? Казалось бы, ответ прост: свергли царизм. Однако революция продолжалась до конца коллективизации, пока мы не получили новую, изувеченную страданиями страну.

Начав перестройку, мы вновь прельстились миражами, убеждением, что в короткие сроки вернемся в страну частных собственников, объявив смену строя. И получили — строй мошенников и очередных разрушителей.

— Кстати, о частной собственности и новом рынке. Прежде писатель-романист, издав книгу, мог безбедно жить год-другой, работая над новой книгой. А как обстоит дело сегодня?

— Весьма печально. Вы когда-нибудь наблюдали, как мальчишка ударяет прутиком по луже? Он интенсивно зажмуривает глаза, не зная, куда полетят брызги. В 92-м году «демократ-идеалист» Гайдар своими гимназическими реформами лишил денег и писателей, людей, не получающих зарплат и хранивших все заработанное и единственное в дырявом кармане государства. Мы разделили общую беду, но она оказалась не самой тяжкой. Куда драматичнее, что само книгоиздательство сложилось как «безгонорарное». Могут сослаться, без тени жалобы, на собственный опыт: изданная пятитысячным тиражом моя книга «Обвиняется кровь!», мгновенно разошедшаяся, принесла мне деньги, на которые я только и смог купить 120 экземпляров своей же книги. И если бы не французское издание, я мог бы считать издание стопроцентно безгонорарным. А только что опубликованная трагедия «Король и шут» принесла мне 342 рубля — сумму скромнее, чем гонорар за газетную статью.

Все эти книги по существу доро-

Поздравления от «ВМ»

Александр Борщаговский один из тех немногих, кто здравому смыслу никогда не изменял. Ни в оценках написанного другими, ни (что гораздо труднее) в том, что делает сам. А сам он изо дня в день, из года в год занят кропотливым литературным трудом, без которого многие темы и сюжеты до сих пор не нашли бы выражения в нашей исторической прозе. Я имею в виду дальневосточную эпопею «Русский флаг», книги: о генерале Турчине — герое гражданской войны в Америке («Где поселится кузнец»), об Александре Полежаеве, о гениальном иллюстраторе «Мертвых душ» — Агине, Бабушкине и многих других. Всех этих замечательных людей я не знала и ничего сказать о них не могу. Зато я давно знакома с Александром Борщаговским и должна сказать, что на своем веку не встречала менее эгоистичного человека. Иначе как объяснить его вечное желание помочь молодым авторам, многолетнюю борьбу за существование музея Паустовского или писательской поликлиники, участие в публикации «расстрельных списков» на страницах «Вечерки»... Словом, у Александра Михайловича так много неотложных земных дел, что ему попросту некогда стареть, и выглядит он лет на двадцать моложе своих сверстников. Современному читателю-телезрителю Борщаговский известен не столько своими книгами, сколько по фильмам «Без вести пропавшие», «Три тополя на Плющихе» и «Дамский портной». Сейчас Александр Михайлович работает над книгой рассказов и повестей.

Он оказался крепче советской власти

Александр Михайлович Борщаговский не меняется никогда, ни при каких обстоятельствах и ни за какие деньги. Знаю это абсолютно точно: когда мы впервые познакомились 30 лет назад, я был почти подростком, а он еще оставался юношей. Я забыл — а может быть, и не мог вспомнить, была ли во времени, в котором я прожил, точка стабильности окружающего мира, которую мог бы совместить с собственной стабильностью. Не было такого ничего. Кроме А. Борщаговского, как точки стабильности, на которую можно ориентироваться. Потому-то считаю, что мне удивительно повезло, когда нечаянно в поездке Феодосия — Москва познакомился с Александром Михайловичем и его женой Валентиной Филипповой. В мире Борщаговского жить не страшно, потому что время, каким бы тяжким и непонятным оно ни было, отталкивается от него. Он — выше всей этой идиотской суеты, потому все, что могла отпустить ему судьба, — она ему отпустила. И, наверное, потому мир благодаря ему уютнее. Главное, не согнуться, а остальное — то приложится. Потому-то 85 Александра Михайловича — просто безлобный розыгрыш паспортности из ЖЭКа. Это еще надо посмотреть, кому 85.

Юрий ЩЕКОЧИХИН

Александр Михайловичу Борщаговскому сегодня 85 лет. Возможно, с моей стороны это прозвучит несколько картинно, но когда я что-то пишу, в подкорке сидит: это будет читать Александр Михайлович Борщаговский, светлейший человек и прекрасный писатель. Как просто любить влюбленного! Этот человек, переживший в своей судьбе столько, что и врагу не пожелаешь, очарован жизнью. Отсюда и непримиримость к антижизни, к антилюдям. Знаете, он от несправедливости задыхается самым буквальным образом. Я даже было подумал, что у него астма. А сколько дорогих судеб он обогрел и спас. Звонит: «Я понимаю вашу сверхзанятость на благо человечества, но не обратит ли внимание на...». Речь о том, что кому-то плохо и обязательно надо помочь. Обязательно!!! Это слово для него путеводно через всю жизнь. Не часто встречал такую самоотверженную преданность людям. Понятное дело, я давно и благодарно люблю Александра Михайловича. Но, что может быть еще главнее, — я очень им горжусь.

Эдуард ГРАФОВ

Старшие, помню, говорили: «А в мирное время...» Мирное кончилось в девятьсот тринадцатом. В тот год начался Борщаговский. Александр Михайлович Борщаговский. Некалендарный исток нашего столетия — август четырнадцатого. На долю Александра Михайловича пришлось мировые войны, большевизм и нацизм, крах демократии на заре и крах на закате. Столетие безумно, но нет, не мудро... Недавно в холодный полдень с пронзительным ветром встретил его на Большой Никитской. Ворота рубахи распахнут, идет твердо, но топа. Вот так и сквозь десятилетия. Сохраняя чуткое чувство справедливости и пылкую реакцию на несправедливость. И страх, непреодолимый страх пред фальшью. Отсюда и чистая честная энергия его книг. Славная, братцы, годовщина! Кланюсь сердечно и низко Александру Борщаговскому.

Юрий ДАВЫДОВ

ги мне настолько, что я напечатал бы их и вовсе без гонорара, не испытывая чувства ущемленности. Но так вправде думать, жить и действовать автор, но не государство, провозгласившее святость частной собственности и право на собственность интеллектуальную.

— Александр Михайлович! Большую часть своей жизни вы прожили, можно сказать, в другой стране. О чем из ушедшего, кроме молодости, вы жалеете?

— Зря вы об ушедшей молодости! Никуда она не ушла от меня, жива вместе с любовью к прекрасной женщине, с которой мы неразлучны все-навсего 52 года. А жалею я о дружбе народов, над которой сейчас иронизируют. А ведь она была, может, и неоднозначной, но реальной. Если бы я мог опубликовать два-три десятка избранных писем ко мне, никогда не бывшему «начальником», от коллег-писателей из Киева, Таллина, Вильнюса, Душанбе, Тбилиси, Кишинева и т. д., стало бы очевидным, какую все мы понесли утрату. Ведь, к примеру, строптивый, умный президент Эстонии, в прошлом член Союза писателей СССР, — автор нескольких талантливых книг о русском Севере, о Заполярье.

— Александр Михайлович, вы, я знаю, страстный футбольный болельщик. Начинали, кажется, с повести о футболистах Киева, ставших героями во времена оккупации. Если представить, что

гресс интеллигенции. Затевалось что-то величественное и значительное при весьма скромном поводе Сергея Филатов. Все это влетело властям, а точнее, всем нам — в копеечку и оказалось удивительно бессмысленным и бесперспективным. Я долго колебался, идти ли, потому что было ясно, что позовут людей, готовых (как они полагали) изобразить лояльную творческую партию.

Но мне стало интересно, кто вообще составляет списки интеллигенции и на какие достоинства ориентируется. Мыслящему совестливому человеку не нужна печать, подтверждающая его интеллект, ему вполне достаточно печати на челе. Мы сейчас без помощи московского правительства выпускаем альманах «Мир Паустовского». С альманахом дружат восемь городов. Вы себе не представляете, как все еще велика тяга к литературе в этих небольших городах, как много там по-настоящему образованных мыслящих людей. Но их на этот конгресс не пригласили.

— Александр Михайлович, а почему есть «Мир Паустовского», но нет «Мира Шолохова» или, к примеру, «Мира Леонова»?

— Думаю, что это можно объяснить необыкновенностью творческой и общественной личности Константина Георгиевича. А скоро мы получим нечто вообще небывалое: словарь Паустовского. Должен сказать, что Паустовский сыграл очень важную роль в моей жизни.

Вег. Москва, 1998, 14 окт. — с. 2

«Писать я начал довольно поздно...»

СССР не распался, какой бы сегодня вы хотели видеть нашу сборную?

— Мне и сейчас порой кажется, что телевизор придуман только для того, чтобы можно было увидеть матчи мирового первенства. Но вопрос о сборной не принимаю. Не мне, столь задержавшемуся на этом месте (правда, надеюсь, что задержавшемуся по делу), составлять сборные. А вот расставшись «литературной сборной страны» мне до боли жаль...

— Каких результатов ждете вы от нового правительства?

— Буюсь, что, пока я соберусь с ответом, речь уже будет идти о новоизбранном или назначенном правительстве. Но вижу, вы все-таки вложили меня в политику: не мытьем, так катаньем.

— Я не хотела, но раз уж так случилось, скажите: вас не приглашали поиграть в какую-нибудь общественно-политическую игру?

— Кажется, последняя, крайне неудачная попытка была весной нынешнего года, когда меня позвали на Кон-

Писать я начал довольно поздно, хотя еще при рождении мне был дан знак. Моя мать, акушерка, донашивала меня поздним летом в селе Городищи, на Руси, под Белой Церковью, рядом с фамильной усадьбой Паустовских. Молодая красивая акушерка расположила к себе Паустовских, и в октябре они упростили ее, уже кормящую мать, втайне принять роды у известной читателям Паустовского соблазненной тети Доли. Мать отправилась в Городище, задержалась в Заречье и потеряла молоко: внезапный мороз погнал ледяную шугу по Руси, и невозможно было перебраться обратно. В Городище наведывался из Киева начинающий литератор Константин Паустовский. В отсутствие матери меня, конечно, голодом не морили, нашлась кормилица, сестра матери — эстрадная певица. Так над моим младенчеством склонились три ангела: литература, сцена и оклодовавшая на всю жизнь река Рось. Какими-то сложными путями Рось подарила мне и высшее счастье. В 1924 году (мне шел одиннадцатый год) новый белоцерковский почтмейстер Филипп Малец заколотил садовую капилку, через которую мы, мальчишки, быстрее попадали к реке. Он защищал от нашей беготни и ора свою недавно родившуюся дочь. Как же я был поражен спустя двадцать лет, узнав, что в детской коляске пребывала моя будущая жена Валентина Малец — моя жизнь, моя любовь...

— Александр Михайлович, когда вам было труднее: когда обвиняли в космополитизме или сейчас?

— В житейском плане мне не было трудно ни тогда, ни тем более сейчас. Я и моя семья приносившие жить по минимуму, который позволяет нам сохранять великое преимущество — независимость. Светлана Кармалита, наша дочь, — сценарист и режиссер-сотрудник своего мужа Алексея Германа. Младшая дочь Алена — художница, замужем за сыном индонезийского ученого и поэта Интой, внучатого племянника Сукарно. Старшая дочь Кира — киевлянка, инженер-полиграфист, уже пенсионерка. Лучше бы остановите меня! А то еще начну рассказывать о своих славных внуках и правнуках — газетной полосой не хватит. Скажу только, что все они толковые, а главное — добрые люди.

14.10.98. Борщаговский Александр